

АНТИКЛОССИЦИЗМ*

«Установив» время основания Хотьковского монастыря, Б. М. Клосс перешел к анализу житийного рассказа об основании Троицкого монастыря и пострижении там Варфоломея. Жизнеописание Сергия свидетельствует о том, что, задумав стать монахом, Варфоломей уговорил своего старшего брата Стефана, уже принявшего монашество, помочь ему подыскать место, пригодное для основания монастыря. По словам Жития, братья «обходиста по лѣсом многа мѣста и послѣди приидоста на едино мѣсто пустыни, въ чящах лѣса, имущи и воду. Обышедша же мѣсто то и възлюбиста е...»¹. Это свидетельство Жития Б. М. Клосс почему-то оспаривает. «Думается, — пишет он, — здесь располагалось владение Стефана, которое он передал Варфоломею после своего пострижения в монахи»². Известно, что Варфоломей, решив удалиться в монастырь, все свое имущество передал младшему брату Петру³. По Б. М. Клоссу же получается иначе: часть наследства, полученного от родителей, Варфоломей оставил Петру, а что получил от Стефана, то почему-то сохранил за собой. По сути дела, это заставляет по-иному характеризовать саму личность Сергия, но Б. М. Клосс об этом даже не задумывается. На чем же основывает он свою догадку о владении Стефаном, а после него Варфоломеем землями, на которых был построен Троице-Сергиев монастырь? Ведь объективно картина получается странная. Братья ставят обитель на собственной земле (по Б. М. Клоссу), но знают свои владения настолько плохо, что долго ищут что-то приемлемое для строительства, обходят «многа мѣста», пока не находят подходящий участок. Или владения были безразмерными? Намек на обладание Стефаном землями под вновь основанным монастырем Б. М. Клосс видит во фразе, произнесенной Стефаном совсем в другое время и в других обстоятельствах, при отправлении службы в Троицкой церкви: «Кто есть игумен на мѣстѣ сем? Не аз ли прѣже сѣдохъ на мѣстѣ сем?»⁴ По представлениям автора «Избранных трудов», если Стефан раньше «сѣдохъ на мѣстѣ сем», то это означает владение им этим местом. Однако далее сам же Б. М. Клосс предлагает совершенно иную интерпретацию данной фразы. Оказывается, в приведенных словах отразились церковные права Стефана, убежденного сторонника особножития⁵. Эта мысль, заимствованная Б. М. Клоссом из предшествующей литературы⁶, представляется более убедительной. Епифаний говорит, что именно «Стефан же съврѣшивъ церковь и свящавъ ю»⁷, и это соответствует действительности, поскольку Стефан в то время был уже церковным лицом, а Варфоломей оставался мирянином. Поэтому позднее Стефан и мог претендовать на роль основателя Троицкого монастыря и считать себя его первым игуменом. И только. Никаких намеков на владение Стефаном землей, на которой был основан Троицкий монастырь, источники не содержат.

Сергий принял монашество уже после основания монастыря «на Маковце», как иногда назывался Троицкий монастырь. Его постриг игумен Митрофан. Б. М. Клосс так детализирует картину: Варлаам после ухода из монастыря Стефана призывает «к себе игумена Митрофана (конечно же — из своего родового монастыря на Хотькове) и “приказывает” ему постричь себя»⁸. Однако древнейшая редакция Жития Сергия совсем не говорит о том, что Митрофан был игуменом именно Хотьковского монастыря⁹. Но это обстоятельство скрыто от читателей «Избранных трудов». Епифаний сообщает, что «по лѣте же единѣм прежереченный игумень, иже постриже блаженнаго

*Начало статьи см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 113–123.

¹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 306–307.

²Там же. С. 30.

³Там же. С. 306.

⁴Там же. С. 30. Фраза приведена Б. М. Клоссом в искаженной транскрипции. Ср.: С. 363.

⁵Там же. С. 54.

⁶См., например: Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С. 48–50.

⁷Там же. С. 308.

⁸Там же. С. 30.

⁹Там же. С. 309.

Сергия, разболѣся и, нѣколько время поболѣвъ, от сего жития преставися...», и тогда возник вопрос о новом игумене для Троицкого монастыря¹⁰. Следовательно, Митрофан умер настоятелем основанной Сергием обители, а в таком случае Б. М. Клосс при его утверждениях следовало бы объяснить, как и почему Митрофан оставил игуменство в Хотьковском монастыре и перешел настоятельством в Троицу. Но автор «Избранных трудов» до таких деталей не нисходит.

Другая деталь — дата пострижения Сергия. Б. М. Клосс пишет, что «Митрофан нарекает его именем Сергия (пострижение состоялось 7 октября, в день памяти святых Сергия и Вакха). Юноше было тогда 20 лет, следовательно, шел 1342 г.»¹¹ Это правильно. Однако далее в своей книге, говоря о пострижении в Троице-Сергиевом монастыре Андроника, будущего игумена Спасо-Андроникова монастыря в Москве, Б. М. Клосс утверждает следующее: «Постригся же Андроник, вероятнее всего, в 1355 г., поскольку память апостола Андроника (17 мая) приходится на воскресенье в 1355, 1360, 1366 гг.»¹² Почему возник пассаж о воскресных днях? А потому, что автор «Избранных трудов» уверен, будто пострижение в монахи в XIV столетии производилось исключительно по воскресеньям. Но 7 октября в 1342 г., когда постригли Сергия, приходилось на понедельник (пасха в том году отмечалась 31 марта¹³). И становится полной загадкой, как следует согласовывать одно конкретное наблюдение математика и историка с его общими рассуждениями и сделанным на их основе другим конкретным расчетом, находящимся в полном противоречии с первым.

После установления даты пострижения Сергия Б. М. Клосс вдруг решил вернуться к вопросу, где находился Троице-Сергиев монастырь, в чьих владениях, хотя по логике вещей сделать это следовало раньше, при анализе избранного Стефаном и Варфоломеем места для строительства обители. При этом Б. М. Клосс воспользовался почему-то первой, ранней духовной грамотой Ивана Калиты, оставшейся проектом, а не его последним завещанием, которое и было реализовано. Из цитаты следует, что Радонежское (Радонеж) вместе с другими соседними волостями после смерти мужа получила вдова Калиты Ульяна вместе с двумя дочерьми. И тут Б. М. Клосс решил продемонстрировать свое знание не только русской средневековой истории, но и русской средневековой географии. На с. 31 он поместил карту «Московское княжество в 1340 г.» Почему именно этого года, в «Избранных трудах» не объяснено. Не сообщает автор и того, какими картографическими материалами он пользовался, какие письменные источники были им привлечены, как производилась локализация упоминаемых в этих источниках географических объектов. Единственная фраза относительно данной карты сказана в предисловии к работе: «Картографические работы для настоящего издания выполнены Т. И. Мартыновой (причем карта Московского княжества составлена при консультации В. А. Ткаченко)»¹⁴. Из нее следует, что составителем карты является сам Б. М. Клосс, поскольку другие названные им лица — картограф и консультант.

Однако Б. М. Клосс эту карту не составлял. Для ее составления необходимо написание монографии, по своему объему превышающей исследовательскую часть «Избранных трудов». Карта «Московское княжество в 30-ые гг. XIV в.» почти четверть века назад была составлена автором этих строк. В 80-е годы теперь уже прошлого века по официальному запросу В. А. Ткаченко, тогда директора краеведческого музея в Городке (бывшем Радонеже), карта была передана ему для музейной экспозиции, но с указанием автора (В. А. Кучкин) и картограф-исполнителя (А. А. Королева). Без ссылок на автора карты использовать ее было нельзя. До появления работы Б. М. Клосса карта с указанием авторства была издана. В 1984 г. в составе общей карты «Княжества Северо-Восточной Руси в середине XIV в.»¹⁵ была показана территория

¹⁰Там же. С. 322.

¹¹Там же. С. 30.

¹²Там же. С. 44.

¹³Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 61.

¹⁴Там же. С. 13.

¹⁵Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. Приложение.

Московского княжества с границами уделов, а в 1997 г. в «Истории Москвы» она опубликована отдельно под названием «Московское княжество в 30-ые гг. XIV в.»¹⁶ 30-е гг. XIV в. названы потому, что в 1336 и 1339 г. были составлены два завещания Ивана Калиты, которые содержали названия городов, волостей, слобод и сел, которые этот московский князь предназначал своим наследникам. Локализация таких географических объектов и позволяет создать карту Московского княжества в указанные годы, а не в 1340 г. Принципиальным отличием изданных в 1984 и 1997 г. карт Московского княжества от публиковавшихся ранее является изображение особой территории вокруг города Москвы. Историческая интерпретация этой географической особенности дана много лет назад¹⁷.

То, что изданная Б. М. Клоссом, никогда не занимавшимся исторической географией средневековой Руси, карта Московского княжества 1340 г. повторяет без каких-либо ссылок изданные чужие карты, свидетельствует принципиальное совпадение границ княжества на севере, востоке и юге, расположение уделов, в частности, анклава удела княгини Ульяны в районе Сурожики и Мушковой горы, а главное — выделение особой территории около города Москвы. Кстати говоря, производя заимствование, Б. М. Клосс даже не смог понять, что означает оставленная им незаштрихованной, белой центральная часть княжества вокруг Москвы, а потому не сумел дать никаких пояснений. Легенда к карте просто не знает такой территории. Осталось без объяснения и значение показанных на карте поселений: Рузское, Серпуховское, Радонежское, которые играли вполне определенную функциональную роль.

Московское княжество состояло из многих десятков волостей, слобод и сел. Б. М. Клосс почему-то показал волости только в уделе вдовы Ивана Калиты великой княгини Ульяны. При этом география не только самих волостей, но даже расположение подписей их названий точно копируют расположения волостей и подписей на карте, изданной в 1997 г. (например, расположение подписей «Радонеж» (хотя на карте должно было быть написано «Радонежское»), «Воря», «Вели», «Черноголовль», «Дейково Раменье»).

То, что Б. М. Клосс совершенно не работал над составлением опубликованной им карты, свидетельствуют грубейшие ошибки, допущенные им при передаче чужого материала. Прочитав завещание Ивана Калиты, в котором среди других упомянута московская волость Воря, Б. М. Клосс умудрился на карте показать ее таким образом, что большая часть территории Вори оказалась за пределами Московского княжества. И читателю приходится решать загадки: распоряжался Иван Калита зарубежными волостями, включая их в свое завещание, или нет, могли ли две смежные порубежные территориально-административные единицы называться одинаково и т. п. В число московских владений 1340 г. на карте Б. М. Клосса оказался включенным Боровск, который стал московским только между 1359 и 1378 г. Московская волость Корзенево впервые упоминается в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского¹⁸, но Б. М. Клосс помещает «Корзенево» на карте 1340 г. Волость Машев оказалась у него севернее волости Сельны, хотя должно быть наоборот. Искажены до неузнаваемости западные границы княжества, границы между серпуховскими и коломенскими землями, коломенскими землями и землями княгини Ульяны. Но все эти «достижения» перекрывает одно, совершенно невероятное. Широко известно, что одним из героев Куликовской битвы был двоюродный брат Дмитрия Донского князь Владимир Андреевич. Он носил прозвище Серпуховского, поскольку владел Серпуховом, своей отчиной. А вот из карты Б. М. Клосса выясняется, что отец Владимира, третий сын Ивана Калиты, Андрей владел Звенигородом. Обладателем же Серпуховского удела показан отец Дмитрия Донского Иван Иванович. Автор «Избранных трудов» даже не удосужился посмотреть предшествующую страницу публикации первой духовной Ивана Калиты, которую сам же процитировал. Там ясно читается: «А се даю с(ы)ну своему Ивану Звенигородъ», «А се даль есмь с(ы)ну своему Андрѣю... Серпуховъ»¹⁹.

¹⁶Истории Москвы. Т. I. М., 1997. С. 36–37.

¹⁷Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 185, 301.

¹⁸ДДГ. № 12. С. 34.

¹⁹Там же. № 1. С. 7

Совершенно очевидно, что опубликованная Б. М. Клоссом карта «Московское княжество в 1340 г.» является грубым заимствованием, которое несколько закамуфлировано изменением некоторых внешних и внутренних границ Московского княжества, причем эти изменения основываются не на научной проработке источников, а на совершенно произвольном и, видимо, сознательном искажении пограничных линий. Заменена и дата карты. Вместо 30-х гг. XIV в. поставлен 1340 г. К сожалению, пример с картой не единичен. Как можно будет убедиться далее, Б. М. Клосс и в иных случаях использует факты, установленные другими исследователями, без всяких ссылок на их труды. Однако изданная им карта «Московское княжество в 1340 г.» — наиболее показательный и доказательный тому пример.

Говоря о принадлежности волости Радонежское и расположенного на ее территории Троице-Сергиева монастыря вдове Ивана Калиты Ульяне, Б. М. Клосс пишет, что так было до начала 70-х гг. XIV в. и «лишь после ее смерти (около 1374 г.) владения княгини были поделены между великим князем Дмитрием и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем...»²⁰. На значение второй договорной грамоты между московскими князьями Дмитрием и Владимиром для изучения биографии Сергия Радонежского впервые было обращено внимание в 1992 г.²¹ Была приведена и ее датировка — 1372 г.²² Тогда княгиня Ульяна была еще жива. Но к лету 1374 г. ее, по всей вероятности, уже не стало²³. Следовательно, она умерла между 15 июня 1371 г. и летом 1374 г., и тогда Радонеж, в результате раздела владений Ульяны, отошел к Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Названные Б. М. Клоссом даты укладываются в обозначенный хронологический период, но обоснования их нет, ссылок на работу 1992 г. о Сергии нет, хотя она использована, а время кончины Ульяны названо произвольно.

Дальнейшее изложение Б. М. Клоссом биографии Сергия Радонежского может удивить всякого здравомыслящего человека. Доктор исторических наук говорит о двух годах уединенной жизни молодого монаха, прошедшей «в постоянном борении с нечистыми силами»²⁴. Представитель научной мысли конца XX в. воспринимает средневековый текст, повествующий о происках нечистой силы, напрямую, как точное отражение действительности. Но ведь давно известно, что под фразеологией средневековых писателей о бесах, кознях дьявола, его хитростях и т. д. часто скрывались указания на факты повседневной жизни, но истолкованные с точки зрения христианского учения об источниках добра и зла. Под пером же Б. М. Клосса получается, что для Сергия борьба с дьяволом и окружавшими его бесами носила вполне реальный характер, что вольно или невольно заставляет думать о душевном состоянии основателя Троицкого монастыря. Но если не только читать средневековый текст, но и анализировать его, то станет ясным, что Сергию пришлось защищаться от диких зверей, от недовольных местных жителей, от «вой бѣсовских», которые «бяху въ одежах и въ шапках литовскихъ островрѣхих»²⁵. Последний эпизод Б. М. Клосс интерпретирует следующим образом: «В другой раз через расступившуюся стену “очивестъ” вошел сам дьявол со множеством бесов, угрожающе скрежещущих зубами, но преподобный защитился от них с помощью молитвы и честного креста»²⁶. Картина набросана выразительная, но, увы, неполная. В тексте Жития Сергия говорится не о бесах, а о воях «бѣсовских», что не совсем одно и то же, точнее, совсем другое. К тому же Епифаний Премудрый почему-то обрядил их в одежды и шапки литовские, и эта премудрость для Б. М. Клосса оказалась таким камнем преткновения, что он о ней даже не упомянул. А между тем она находит свое объяснение. Речь идет о нападении на Троице-

²⁰Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 30, 32.

²¹Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 80.

²²Подробное обоснование датировки см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 253–254.

²³К лету 1374 г. можно относить начало строительства серпуховского Высоцкого монастыря. Основавший его князь Владимир Андреевич к тому времени владел Радонежем. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 107.

²⁴Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 32.

²⁵Там же. С. 314.

²⁶Там же. С. 32.

Сергиев монастырь литовцев, тогда еще язычников, и сравнение их с бесами для средневекового православного писателя Епифания было естественным. Но нападение литовцев на Троице-Сергиев монастырь могло иметь место только в 1372 г., когда литовцы (единственный раз за время жизни Сергия Радонежского) через тверские земли прошли к Переяславлю, опустошили город и его окрестности²⁷. Дорога на Переяславль проходила близ Сергиева монастыря. Недостаточное знание Б. М. Клоссом исторических реалий привело его не только к неверной оценке приведенного выше эпизода из жизни Сергия, но и к неверному определению сроков «борения с нечистой силой» основателя монастыря — 2 года. Явление «вой бѣсовских» было не 2 года, а 30 лет спустя после пострижения Сергия. В свою очередь, упоминание позднего события с нарушением хронологической последовательности в Житии Сергия Радонежского должно характеризовать само это Житие, составленное по признанию его автора Епифания Премудрого «не по ряду, но предняя назади, а задняя наперед»²⁸. Несмотря на столь очевидные указания, Б. М. Клосс начал извлекать из памятника различные факты до источниковедческого исследования самого произведения, а priori считая его последовательным и хронологически выдержанным. Последствия такой работы налицо. Телега впереди лошади едет с трудом, то и дело давая сбои.

Еще один важный эпизод биографии Сергия Радонежского — поставление его в игумены Троицкого монастыря. Об этом писали многие, но Б. М. Клосс их мнений и доводов не разбирает, приводя свои. Он пишет, что «исторические реалии определенно указывают на 1354 год». Реалии — это проезжая грамота ордынской ханши Тайдулы, выданная митрополиту Алексею 11 февраля 1354 г., факт поставления 30 июня 1354 г. Алексея в митрополиты всея Руси константинопольским патриархом Филофеем, написание чернецом Телешем в Переяславле в 1354 г. евангелия «при епископе Афонасии Прияславскомъ». «Наконец, — добавляет Б. М. Клосс, — исходя из канонических правил о возрасте игумена (не моложе 33 лет), опять же следует предпочесть 1354 г., когда Сергию шел 33-й год»²⁹. Последнее утверждение вызывает недоумение. Если, согласно Б. М. Клоссу, канонические правила запрещали поставление а игумены людей, не достигших возраста в 33 года, то почему же выбор игумена пал на Сергия, которому было 32 года, а 33-й год только шел? Почему нельзя было подождать некоторое, достаточно короткое время, чтобы Сергию исполнилось бы 33 года и не надо было идти на нарушение церковных канонов? Все дело, однако, в том, что указание Б. М. Клосса на канонические правила, запрещавшие ставить игуменами людей моложе 33 лет, не сопровождается ссылками на источник, не более, как или выдумка автора «Избранных трудов», или повторение старой выдумки, встретившейся ему в одном из прежних популярных трудов, но не снабженной Б. М. Клоссом отсылкой к первоисточнику и неперепроверенной. А чтобы примирить несуществующий канон со временем поставления Сергия в игумены, Б. М. Клосс и называет 1354 г. — наиболее позднюю возможную дату его поставления. Но ухищрения оказываются тщетными. Несогласованность между мифическим канонem и возрастом новопоставленного игумена все равно остается.

В действительности же возрастной ценз для игумена определялся не в 33 года, а в 30 лет (по возрасту Христа, принявшего крещение и начавшего проповедовать свое учение, но не по его возрасту, когда он был предан смерти). Об этом говорит, например, правило 14 VI вселенского (Трульского) собора³⁰. Поскольку Сергей был поставлен игуменом в отсутствие митрополита

²⁷ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 99.

²⁸Клосс Б. М. Избранные труды Т. I. С. 286.

²⁹Там же. С. 33.

³⁰Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Т. I. СПб., 1906. С. 154. Ср. рассказ о поставлении игуменом Сергия Радонежского: епископ Афанасий «наутриа же съврѣши его иерѣйским саном» (в предшествовавший день Сергей был поставлен сначала в иподьяконы, а затем в дьяконы). См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 325. Иерейский чин — священнический чин, который и позволял занять должность игумена.

Алексея («тогда бывшу ему въ Цариградѣ»), а Алексей был там с лета 1353 г.³¹, и поставлен переяславским епископом Афанасием, который в апреле 1353 г. уже занимал эту кафедру³², очевидно, что назначение Сергия имело место или в 1353 г., или в 1354 г. Поскольку Сергий стал преемником скончавшегося игумена Митрофана, а кончину последнего логично связывать со свирепствовавшей в 1353 г. в Московском и соседних княжествах чумой, то назначение Сергия игуменом надо относить не к 1354 г., а к 1353 г.³³

Излагая далее деятельность Сергия Радонежского как настоятеля Троицкого монастыря, Б. М. Клосс утверждает, что уже в 60-е гг. XIV в. Сергий становится доверенным лицом митрополита Алексея: «выполняет его дипломатические поручения (достаточно вспомнить случай с закрытием церквей в Нижнем Новгороде)»³⁴. Об этом эпизоде Б. М. Клосс пишет не единожды. Ранее он писал, что в своде митрополита Фотия 1418 г. «первоначальное известие 1363 г. о приезде митрополичьих послов Павла и Герасима в Нижний Новгород было датировано 1365 г. и переделано таким образом, что единственным послом (но уже великого князя) стал Сергий Радонежский, позакрывавший все церкви города»³⁵. Из этих слов следует, что свидетельство о причастности троицкого настоятеля к закрытию нижегородских церквей — позднее и переделанное, т. е. недостоверное. Но так утверждается в начале «Избранных трудов». А когда автору таких «трудов» стало нужным, оно превратилось в уже вполне достоверное, появилось, хотя и шитое белыми нитками, объяснение того, как Елифаній Премудрый, «выдвигавший на первый план “смирение” Сергия»³⁶, убрал якобы в своем труде 1408 г. его имя и назвал совсем других лиц, приостановивших службы в нижегородских церквах (архимандрита Павла и игумена Герасима³⁷). В своде 1418 г. упоминание этих лиц было убрано, и историческая истина восторжествовала. При этом никаких объяснений, почему в своем диоцезе (Нижний Новгород и Городец Радиллов в указанное время в церковном отношении подчинялись непосредственно митрополиту, который лишил епархии местного епископа) при осуществлении церковно-административных мероприятий Алексей вынужден был прибегать к содействию настоятеля скромного подмосковного удельного монастыря, а не к помощи собственных чиновников, в книге Б. М. Клосса не приводится. Нет, конечно, и объяснения того, почему в Новгородской IV летописи, где говорится о приезде в Нижний Новгород одного Сергия Радонежского, далее указывается, что «они же церкви затвориша»³⁸, т. е. в закрытии церквей участвовали, по крайней мере, два лица.

Текст сообщения, восходящего к своду 1418 г., гласит, что Сергий прибыл в Нижний как «посоль отъ князя Дмитрия Ивановича»³⁹. Если Б. М. Клосс признает достоверность всего известия, то как же он может писать о том, что в Нижнем Новгороде Сергий выполнял дипломатические поручения не великого князя, а митрополита Алексея, лишь осенью 1374 г. «с Сергием знакомится сам великий князь Дмитрий»⁴⁰? Неужели в 1363 (1365) г., послав Сергия послом в Нижний, Дмитрий и знать его не знал? Налицо совершенно необдуманные,

³¹В настольной грамоте Алексею, данной ему патриархом Филофеем 30 июня 1354 г., указывалось, что Алексей находился в Константинополе «в продолжение почти целого года». См.: Русская историческая библиотека. Т. VI. Вып. I. 2-е изд. СПб., 1906. Приложения. Стб. 44. Поэтому указание Б. М. Клосса на грамоту Алексею ордынской ханши Тайдулы от 11 февраля 1354 г. не имеет смысла, поскольку за несколько месяцев до написания этой грамоты Алексей находился в Константинополе.

³²Составленное 24–25 апреля 1353 г. завещание великого князя Симеона Гордого было написано «перед вл(а)д(ы)кою переяславскимъ Офонасемъ» (ДДГ. № 3. С. 14). О дате завещания см.: Кучкин В. А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989. С. 106.

³³Кучкин В. А. Сергий Радонежский. С. 78.

³⁴Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 34.

³⁵Там же. С. 18.

³⁶Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 34, примеч. 23.

³⁷ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 75.

³⁸ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 292.

³⁹Там же. Т. V. Вып. I. Стб. 436.

⁴⁰Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 35.

противоречащие друг другу высказывания автора «Избранных трудов», стремящегося выдать за достоверные явно поздние и неверные сведения.

Далее биография Сергия Радонежского излагается в этих «трудах» скороговоркой, с упоминанием тех или иных годов, когда произошли события, связанные с именем троицкого игумена. При этом сообщение известной Б. М. Клоссу Никоновской летописи о болезни Сергия в великий пост 1375 г. проигнорировано, бегло упомянуто о письме митрополита Киприана от 1378 г., адресованное Сергию и его племяннику Федору Симоновскому, но содержание письма совершенно не раскрыто. Острейшая борьба в 1378–1380 г. за митрополицию кафедру всея Руси, в которой активное участие принял Сергей Радонежский и которой посвящено много исследований отечественных и зарубежных ученых⁴¹, обойдена полным молчанием. Зато обветшавшему представлению о благословении Сергием великого князя Дмитрия на Куликовскую битву Б. М. Клосс решил придать новый импульс, объявив, что основание Стромьинского на Дубенке монастыря относится не к 1380 г., а к 1381 г. и связано с победой на Дону. Поскольку в данной главе работы Б. М. Клосса специальный источниковедческий анализ данного вопроса отсутствует, на нем подробнее придется остановиться далее. Здесь же необходимо сказать о других «изысканиях» автора «Избранных трудов».

Так, Б. М. Клосс утверждает, что после дипломатической поездки Сергия Радонежского к рязанскому князю Олегу в 1385 г. «на обратном пути в великокняжеской Коломне Сергей основывает Голутвинский Богоявленский монастырь и благословляет на игуменство своего ученика Григория»⁴². Рассказ об основании Сергием Голутвинского монастыря отсутствует в ранних переделках Жития Сергия Радонежского, предпринятых Пахомием Сербом на основании текста, написанного Епифанием Премудрым. Он впервые включен Пахомием Сербом в свою третью (по определению самого же Б. М. Клосса) редакцию Жития Сергия⁴³. Насколько этот поздний рассказ отвечает реальности, без тщательного источниковедческого и исторического анализа сказать сложно. Но даже принимая его за полностью достоверный, нельзя не обратить внимания на то, что в рассказе говорится об особом приглашении великого князя Дмитрия посетить Сергию Коломну и поучаствовать в основании церкви Богоявления. С трудом пришедший в Коломну, Сергей выполнил пожелание князя, а после вернулся в свой монастырь⁴⁴ — намек, что и приглашался Сергей из Троицы. Никакой связи с посольством Сергия в 1385 г. к Олегу Рязанскому не обнаруживается. Утверждения Б. М. Клосса об основании Голутвинского монастыря осенью 1385 г. являются сплошной выдумкой.

Тем же временем датирует Б. М. Клосс и эпизод о явлении Сергию богоматери, сохранившийся в первой Пахомиевской редакции Жития. Он устанавливает, что в житийном рассказе содержится ссылка на происшествие: «бъше же тѣгда 40-ца Рожества Исус Христова, днем же пятокъ бѣ»⁴⁵, а «40-ца» — это 14 ноября. Поскольку монах Троице-Сергиева монастыря Михай, тоже видевший явление, скончался 6 мая 1386 г., то последнее должно датироваться временем не позднее 14 ноября 1385 г. Эти суждения верны. Но Б. М. Клосс настаивает на том, что все произошло именно осенью 1385 г., приводя аргументы явно случайного и схоластического характера, утверждая, что упоминание в рассказе о явлении богородицы апостолов Иоанна и Петра вызвано рождением в 1381 г. у князя Владимира Андреевича сына Иоанна и у князя Дмитрия Ивановича в 1385 г. сына Петра⁴⁶. Между тем, если речь ведется о 80-х гг. XIV в., то пятница

⁴¹Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

⁴²Клосс Б. М. Избранные труды. Т. С. 35.

⁴³Там же. С. 411–412.

⁴⁴Там же.

⁴⁵Там же. С. 372.

⁴⁶Там же. С. 35, примеч. 27.

(«пятокъ») приходилась на 14 ноября только в 1382 г.⁴⁷ Ни о каком 1385 г. говорить нельзя. Странно, что математик оказывается не в состоянии произвести достаточно простые хронологические вычисления, а как историк не обращает никакого внимания на имеющуюся в источнике временную подробность.

Известно, что Сергей Радонежский в качестве духовника присутствовал при составлении последнего завещания Дмитрия Донского⁴⁸. Б. М. Клосс утверждает, что это случилось в мае 1389 г.⁴⁹ Такое возможно, но требует доказательств, которых в «Избранных трудах» нет. Без них датой составления этого завещания будет время между 25 марта (13 апреля) и 16 мая 1389 г.⁵⁰, что определяет и время присутствия при написании великокняжеского завещания Сергея Радонежского.

Весьма показательна характеристика этого завещания Б. М. Клоссом: в нем «великое княжение Владимирское объявлялось наследственным владением московских князей и тем самым устанавливался основной принцип единой державы. Сергей Радонежский, таким образом, освятил своим авторитетом рождение новой государственности...»⁵¹. Но в завещании 1389 г. Дмитрия Донского московскими объявлялись и другие княжества Северо-Восточной Руси, по территории не уступавшие великому княжеству Владимирскому. Последнее же было наследственным еще в домонгольский период, но это не устанавливало «основного принципа единой державы». Непонятно, почему именно Сергей Радонежский «освятил своим авторитетом рождение новой государственности». В завещании 1389 г. назван и другой духовник Дмитрия Донского — игумен Севастьян. Но по Б. М. Клоссу он, видимо, никакого авторитета не имел. Пышнословие, к которому имеет большую склонность автор «Избранных трудов», оборачивается празднословием, игнорирующим реальные свидетельства исторических источников.

Говоря о кончине Сергея Радонежского, Б. М. Клосс совершенно не касается тех противоречий в повествованиях о его захоронении, которые имеются, с одной стороны, в Житии троицкого настоятеля и в Похвальном Слове ему — с другой⁵². Приведя дату смерти Сергея, Б. М. Клосс заканчивает свой рассказ об основателе Троицкого монастыря. Никаких итогов его деятельности автор «Избранных трудов» не подводит и никаких оценок не дает. Зато неожиданно для читателей следуют рассуждения о том, на основе каких источников описана в Житии кончина Сергея и некоторые эпизоды его жизни. Все эти вопросы должны были быть разрешены до того, как воссоздавать биографию Сергея Радонежского. Ведь не зная литературных источников агиографического повествования о нем, можно легко впасть в ошибку, приняв за реалии детали, относящиеся к жизнеописанию совсем иного святого. Это давние и прописные истины, которые совершенно проигнорированы в «Избранных трудах».

Окончание же I главы удивляет еще больше. Автор заявляет, что он выявил все источники Жития Сергея (но неизвестно точно, какой редакции), а они «приводят к двум выводам принципиального значения»: во-первых, показывают, что стиль Епифания сформировался под влиянием памятников русской и византийской агиографии, и, во-вторых, объясняют, что рассказы Жития Сергея о божественном свете и общении с небесными силами возникли не под влиянием исихазма «паламитского толка», а под влиянием «тех же аскетических и агиографических сочинений

⁴⁷Черепнин Л. В. Русская хронология. С. 61 (пасха 6 апреля). В житийном описании явления говорится о том, что Троице-Сергиев монастырь «отнынѣ бо въ всемъ изъобилствует» (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 372). Не приурочен ли этот житийный рассказ специально к осени 1382 г., когда Москва и ее окрестности были сожжены и разграблены Тохтамышем?

⁴⁸ДДГ. № 12. С. 36.

⁴⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 36.

⁵⁰Подробнее о времени написания второй духовной грамоты Дмитрия Донского см.: Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 119–123.

⁵¹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 36.

⁵²Они были отмечены ранее. См.: Древняя Русь. 2002. № 2 (8). С. 118.

ранневизантийской литературы»⁵³. Логика между попытками на с. 22–36 обрисовать жизненный путь Сергия Радонежского и неожиданными заявлениями на с. 37 нет никакой. Заключительные строки не следуют из предшествующего изложения, где совершенно отсутствует не только упоминание исихазма паламитского толка, но даже исихазма как такового. Зато два вывода «принципиального значения» прямо повторяют давние заключения В. А. Грихина об идейно-художественных особенностях агиографических сочинений Епифания Премудрого. Вот что писал в 1974 г. этот исследователь: «Мировоззренческие концепции поздневизантийского исихазма паламитского толка оказались чуждыми Епифанию», «...Епифаний обращается к философским и художественно-эстетическим традициям библейской и ранневизантийской литературы»⁵⁴. Налицо вновь грубое заимствование, приписывание автором «Избранных трудов» себе чужих достижений. Лишь указание В. А. Грихина на библейскую литературу оказалось снятым Б. М. Клоссом, видимо, для того, чтобы оттенить «принципиальность» собственных выводов.

(Продолжение в следующем номере журнала)

---

⁵³Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 37.

⁵⁴Грихин В. А. Творчество Епифания Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV – начала XV вв. АҚД. М., 1974. С. 8, 9. Б. М. Клоссу данная работа хорошо известна (см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 9, примеч. 7).